НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОСМЕРТНАЯ КНИГА АНАСТАСІИ ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

Тема и авторъ, изящный сюжетъ и вступительный очеркъ — все было готово къ изданію покойнаго предсѣдателя овдовѣвшаго мужа, — такъ эта книга посмертной жизни обрамила печальная смерть. И для русскаго читателя посмертное появленіе неотдѣлимо отъ скорбнаго вступленія; изящный очеркъ Анастасіи Сологубъ - Чеботаревской слитъ съ надгробными словами Федора Сологуба.

«Женщина эпохи революціи 1789 года — часть задуманной авторомъ книги. Закончить эту книгу А. Чеботаревская предполагала въ Парижѣ. Но когда совѣтская администрація дала, наконецъ, разрѣшеніе на выѣздъ заграницу, «это было уже поздно», — какъ сообщаетъ предисловіе, «прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ осенній вечеръ «прекраснаго и страшнаго Мертвограда», А Чеботаревская вернулась въ рѣку Жданову. Только весной «одна изъ посѣланныхъ льдинъ вынесла ее на берегъ».

Посмертная книга А. Чеботаревской надана заботливо, съ большимъ вкусомъ. Издательство «Бѣлое» придало этой книгѣ полобающій видъ: формать, сдержанно аристократическій шрифтъ, фронтисписъ и заставки В. Бѣлкина какъ бы дополняютъ, оживляютъ текстъ.

Книга говоритъ о томъ удивительномъ XVIII вѣкѣ, о той порочной и прекрасной, предразсвѣтной, изысканной, артистической эпохѣ французскихъ кануновъ, о которыхъ Талейранъ сказалъ: «кто не жилъ до 1789 года, тотъ не знаетъ, что такое очарованіе жизни».

Авторъ предпослалъ своему очерку краткое краткое методологическое изслѣдованіе; учитывая «революціонную и кереволюціонную» точку зрѣнія, онъ стремится объяснить, «почему сейчасъ въ эпоху наибольшаго упадка личнаго начала, насъ можетъ остро волновать и интересовать эпоха наибольшаго развитія личности», — и авторъ обращается къ XVIII вѣку, характерному удивительнымъ очарованіемъ интимной жизни «частныхъ лицъ». Эта яркая интимная личная жизнь, по мнѣнію А. Чеботаревской, особенно назидательна въ наши дни «коструѣнія сочныхъ начала» и исчезновенія «культурныхъ навыковъ и формъ бытаа».

Едва ли исчезнувшія формы предреволюціонныхъ русскаго быта можно отожествить съ бытомъ предреволюціонной Франціи. — но даръ автора не методологъ, а повѣствованіе, не схемы, а портреты. И вслѣдъ за спорной исторіографической схемой — читатель переходитъ къ изящнымъ, яркимъ и любовно написаннымъ живымъ портретамъ женщинъ XVIII вѣка.

Вѣкъ любви, вѣкъ остроумія, нѣжности, экстаза и скепсиса, страсти и критики, вѣкъ блѣдненой фронды, идиллическихъ связей, вѣкъ скабрезныхъ романовъ, вѣкъ философіи и вѣкъ эротики, вѣкъ противоположностей и контрастовъ, вѣкъ Дидро и Казановы, вѣкъ Монтескье и Фрагонара, — изумительный и прекрасный XVIII вѣкъ описываетъ въ своей книгѣ А. Чеботаревская. Свобода въ бракѣ, эти, по выраженію Мармонтеля, «супружескіе нравы» — и радость супружества, — и разнообразно въ эту эпоху. Объ этой, столь изученной эпохѣ трудно сказать какого новаго послѣ всѣхъ сочиненій, мемуаровъ, послѣ Тэна, послѣ Гонкуровъ, мемуаровъ XVIII вѣка» — русскому наслѣдователю «портретисту удѣлено не много; и все-таки, авторъ, по своему, въ живой манерѣ, въ собственномъ планѣ, и по своему обхватывая общественно - психологическую перспективу революціонныхъ кануновъ — вводитъ читателя въ свою портретную галлерею.

Салоны — литературные, философскіе, политическіе, — ихъ споры, направленіе; ихъ революціонная роль. Авторъ пользуется удобнымъ случаемъ и описывая салонъ Нэкеръ, — приводитъ знаменитый разсказъ Лабрюера о пророчествѣ Казотта, предсказавшаго 1788 году революціонные жребіи, смерть Кондорсэ, казнь Малзерба, самоубійство Короля.

Послѣ салоновъ парижскихъ салоновъ, авторъ переходитъ къ портретамъ женщинъ XVIII вѣка. Маркиза де Деффанъ, эта «чарующая неаксеистка» и «ученая дѣва» любовница англичанина Уолполя; госпожа де Лешинэ, подруга д-Аламбера; госпожа д-Аиссэ, черкешенка, ребенкомъ попавшая въ Парижъ; госпожа д-Эпинэ, подруга Гримма и другіе.

Авторъ сообщаетъ біографіи этихъ женщинъ, повѣствуетъ о ихъ судьбѣ и сторченіяхъ, цитируетъ письма. Письма XVIII вѣка это, дѣйствительно, исключительная литература. Большой объемъ книги не позволилъ Чеботаревской углубиться въ эту хорошую изящную по предмѣтумъ работу области.

А. Чеботаревская любила описывать эпоху; она цѣнила ея интересъ, ея поэтическое напряженіе, такъ же какъ и въ моменты упадка духовнаго или внѣшняго, такъ XVIII вѣка умѣла достойно реагировать на всѣ импульсы жизненныхъ отношеній; эти люди умѣли «жить и умереть достойно». И отрицая вины этихъ людей, авторъ признаетъ ихъ «заслужившими величайшее снисхожденіе».

Тонкій XVIII вѣкъ, ихъ жизнь, правы и общественный укладъ, — тема, конечно, обширная и не удовлетворяетъ, что авторъ позволилъ себѣ нѣсколько интересоисторическій зарисовки — его задаче исполнить тонко, съ вкусомъ, неаксеистки и въ рамкахъ историческаго ощущенія эпохи.

Бор. М.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ

«Mercure de France» сыгралъ руководящую роль въ томъ тесномъ французской литературы, которое принято называть символизмомъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ онъ былъ передовымъ и боевымъ журналомъ. Теперь же, когда символизмъ сошелъ на нѣтъ и его пылкіе поклонники лежатъ въ гробу или заслужили въ Академіи, символистическая «тема» получила то же какъ бы двойной характеръ, полуиронически, полудоктринально. Есть еще въ ней какая то странность и на почитовсть, которыя были, напримѣръ, въ нашихъ «Весахъ», есть еще какой то, теперь уже мало понятный, прообразъ «искусства для искусства» и еще «чувствуется, почему руководительница журнала М-мъ Рашильдъ была когда-то названа М-мъ Болдеръ. Но все больше и больше утѣшаетъ сознаваемъ вопросъ о общественномъ, политическомъ, научномъ и все увѣренѣе является въ области художественной, перехлопую роль на оторвѣ этой области теперь изъ «толстыхъ» журналовъ наибольшее право имѣетъ Nouvelle Revue Française.

Въ Revue des Deux Mondes надо отмѣтить статью Louis Madelin «Первый ударъ колокола революціи». — о Людовикѣ XV. Не берусь рѣшить, вноситъ ли она что-либо новое въ изученіе всемнадцатаго вѣка. Но это увлекательное чтеніе, какъ всякое хорошее количество трудовъ объ этой эпохѣ, мемуаровъ, наслѣдованій, догадокъ, но онъ порѣ еще все связанное съ этимъ блестящимъ и обаятельнымъ временемъ вызываетъ интересъ, и случаяхъ обмолвки Вольтера, и политическихъ комбинаціяхъ Кардинала Флери, и сплетни о Шатору или Помпадуръ.

Съ точки зрѣнія историко-бытовой любопытна такая статья посвященная варварской книжкѣ «Revue de Paris» воспоминанія о княтинѣ Полинѣ Меттернихъ, жены знаменитаго дипломата при дворѣ Наполеона III, играющей второстепенную роль въ высшемъ парижскомъ обществѣ того времени и въ сущности полуразрѣшенной его. Ко двору настоящей, «старорежимной» аристократіи. Интересны подробности о знаменитомъ провалѣ «Тангейзера» на первомъ представленіи его въ Grand Opéra въ 1861 году.

Почти всѣ журналы посвящаютъ статьи памяти Мориса Барреса. Изъ нихъ слѣдуетъ выдѣлить острую по мысли и своеобразную статью Альбера Шарльмэна «Nouvelle Revue Française». Остальные ограничиваются или воспоминаніями о встрѣчахъ съ покойникомъ, или стараются разыгрывать скептиринтныхъ мнѣній о немъ. Но чаще не все же «полезно для пониманіи Барреса. Для русскаго читателя его одна изъ самыхъ ярчайшихъ и чуткихъ фигуръ въ новой французской литературѣ.

Сосредоточе наивно - художественнаго отношенія къ міру, блистательнаго эстетическаго дарованія, остроту чутья психолога и страстность къ мелкой повседневной политикѣ, смѣсь почти съ раздраженнымъ журналистомъ есть явленіе для насъ мало понятное. (Хотя такое въ сущности былъ Достоевскій).

* * *

«Nouvelle Revue Française», единственный изъ толстыхъ журналовъ печатаетъ и другой некрологъ. статью Лакретеля о Р. Радитѣ, недавно умершемъ совсѣмъ молодымъ писателѣ. Некрологъ подтверждаетъ о личности Радитэ то, о чемъ можно было догадываться, читая его единственный романъ, «Le Diable au Corps»: его рѣдкую даровитость. Къ Радитэ многіе отнесутся недоброжелательно изъ-за грубой и безтактной рекламы, которой было окружено его выступленіе; но розность его творчества выдвигаетъ и разсказъ, по безошибочной правдивости дѣйствительно удивительно.

Г. Аль-ъ

Занятная книжка Мишеля Георгъ Мишеля «Русскіе блюда» поднятъ поглощаемость «Мемуаровъ» исторіи (изд. «Монде Нувэ»). Но, конечно, анекдотовъ въ ней куда больше, чѣмъ исторіи. Обѣдъ въ Ловдонѣ, завтракъ въ Парижѣ, ночь въ Ризъ-встрѣчи въ театрѣ, ужинъ, ресторанъ случайные разговоры — какъ ими дѣлаетъ ихъ приключенія, какъ бы ихъ дѣлаетъ, известно меньше, чѣмъ перелъ читателемъ и пропускаетъ мимо ея С. П. Чигаевъ, П. Струве, Ф. Ф. Пишницкій, Мисина, Мунеза, Мантисса Пикасо и мы другихъ.

Даетъ за на книга новинки о Англійской тратѣ о которой они разсказываетъ? Характеризуетъ ли авторъ воюдолюбивъ нѣмъ нерпонимаетъ? Даетъ ли анекдотъ нерсонаго о нѣмъ другой, сверхъ анекдотъ, заслуживаетъ ли — чтенія нелепо, нелепо, нелепо, но кому нелепо? Нѣтъ, ничего подобнаго. С. П. Дидлевъ, не только антрепренеръ, но и наблюдатель всего дѣла, до сихъ поръ не изучилъ и даже среди русскихъ заслуженно не опубликовъ нерсонаго о нѣмъ и настоящаго дѣйствительно, основанъ, основанъ, нерпонимъ монографіи, посвященной этому замѣчательному человѣку.

* * *

Въ «Меркюръ де Франсъ» 15 ноября Е. П. Семенова въ статьѣ «Новое слово поэта и большевизмъ» по поводу войнъ возвращается къ вопросу объ изъятіяхъ документовъ, пишущихъ въ Америкѣ и обвиняющихъ большевиковъ въ полученіи денегъ и имуществъ отъ германскаго генеральнаго штаба, опровергая тезисъ объ ихъ невѣдомости, они доказываетъ ихъ полуслѣдствіе. Цитируя доказательства, какъ антибольшевистскія прессы сами ихъ говорятъ они принадлежатъ, перечитываетъ рядъ большевиковъ отъ германскаго генеральнаго штаба, ихъ перечитываетъ, ряда большевиковъ, ряда большевиковъ, ряда большевиков